

Жил в Переславле парень...

Когда от Борисовской больницы спускаешься по крутой деревянной лестнице к фабрике «Красное эхо», слева виден одинокий приземистый дом с верандой, огороженный серым от времени забором. Живут в доме трое: восьмидесятичетырёхлетняя Агриппина Васильевна Петрова и её дочь Нина Васильевна с шестилетним сыном Костей. В просторных комнатах почти всегда тишина: вот уже много лет Агриппина Васильевна из-за болезни больше всего находится в постели, Нина Васильевна всегда при делах, а Костя занят своими детскими играми.

Но когда-то в доме Петровых было шумно и весело. Будучи молодыми, Агриппина Васильевна с ныне покойным мужем Василием Артемьевичем жили в любви и согласии. Растили четверых детей. Старшему Саше в 1935 году исполнилось 16 лет. Агриппина Васильевна на производстве не работала. Хватало дел по хозяйству. Она держала корову, присматривала за детьми, копалась на огороде. Василий Артемьевич работал на фабрике киноплёнки обмуровщиком котлов. Характер у него был покладистый, душа добрая, открытая для всех. Дело своё любил.

Как-то обвалилась стенка топки котла. Чтобы отремонтировать её, нужно было остановить котёл, остудить. Такой ремонт привёл бы к значительному простоя не только котельной, но и многих цехов фабрики. Василий Артемьевич, которому не грех бы и сказать, моя хата с краю, остужайте, останавливайте, решил сделать иначе. Как только выгребли из топки раскалённые угли и начисто вымести золу, он надел ватные брюки, две фуфайки и, обмотав голову материей, так что одни глаза были видны, сказал товарищам: «Лейте на меня воду, как можно больше».

Температура в топке была невыносимо высокой. Жгло руки, лицо. От жары, казалось, вот-вот задохнется. Но Василий Артемьевич уверенно, не спеша довёл ремонт до конца, потратив на это несколько часов.

Черты характера Василия Артемьевича передались детям. Они росли крепкими, трудолюбивыми. Больше всех в семье доставалось, конечно, старшему Саше. Был он хорошим помощником матери, косил с ней траву, сушил сено, копал огород, нянчился с младшими. Учился хорошо. Освободившись от домашних дел, Саша играл с мальчишками в футбол, бегал купаться на речку, катался на велосипеде, который купил ему отец.

После окончания школы Саша поступил учиться в ФЗО. Успешно окончив его, работал лаборантом в ЦЗЛ фабрики киноплёнки. Лабораторией руководил инженер Алексей Михайлович Рюгин. Это были годы расцвета фабрики. Инженеры и специалисты работали над новыми образцами отечественных плёнок, и Саша был в гуще всех событий. В семейном архиве Петровых есть снимок, на котором Саша в белом халате, в сером свитере и в больших с круглыми стёклами очках. Зрение у него было отличное. Очки он позаимствовал просто для съёмки у Алексея Михайловича. На фотографии лицо Саши открытое, прямое, губы вот-вот раскроются в доброй улыбке. Каких бы успехов он добился в жизни, в работе, не будь войны, теперь можно только гадать.

В армию Сашу призвали в 1939 году. На флот. Вот его первое письмо из Севастополя.

Дорогие мои папа, мама, Вася, Нина и Витя! Доехал благополучно. В Севастополь прибыл 12 мая в семь часов вечера. Сходили в баню. Выдали нам рабочую одежду. На другой день в шесть утра пошли на комиссию. После нам выдали форму, которая полагается, а именно: шинель, бушлат, две формёнки, брюки и так далее. После обеда мы взяли вещи и пошли на катер. Он доставил нас на теплоход «<Украина>». Сейчас мы вот уже четырнадцать часов плывём

в открытом море. Везут нас в Одессу. Командиры говорят, в береговую охрану, это значит, что служить нам три года. Со мной наши переславские ребята Борис Гончаков, Вася Шевокин, Витька Ерохин и Мишка Кулаков.

Дома получили письмо, заволновались. Особенно мать.

— Выдержит ли? — вздыхала она. — Тяжело поди на флоте служить?

Василий Артемьевич успокаивал супругу. Говорил ей:

— Крепкий он у нас, Агриппина. Хилых на флот не берут. Всё будет нормально.

А Саша тем временем строчил домой следующее послание.

Из Одессы нас перевезли в Очаков. Уже несколько дней проходим курс молодого краснофлотца. Сегодня, то есть 29 мая у нас был авральный день. Драили полы, а после стирали бельё. Служить мне пять лет. Скоро будет разрешено купаться. После курса молодого краснофлотца нас распределят по специальностям. Со мной здесь только Шевелев из Бремболы.

Жизнь на службе пошла у Саши хорошо. Физически закалённому, дисциплинированному и приученному к труду, ему всё давалось легко. И об этом он не замедлил сообщить домой.

Служу и живу хорошо. Строевые занятия кончились. Перешли к стрельбам из боевых винтовок. Не имею ни одного взыскания, хотя у других они уже есть. Здесь у нас убирают хлеба. Пospели картофель, капуста, виноград.

Это 5 июня 1939 года. А спустя двадцать дней Саша делился с родными более важными событиями.

Дорогие мои, за Ваше письмо очень благодарю. На днях принял присягу. Зачислили меня учиться на радиста. Специальность хорошая и очень ответственная. Буду стараться, как можно лучше изучить её. В день Военно-Морского Флота лучшим краснофлотцам объявили благодарности. В число их попал и я. У меня скопилось немного денег, и я высылаю вам 200 рублей. Вася и Нина, купите себе лыжи, а остальные потратьте по своему усмотрению. Мне выдают ежемесячно 50 рублей. Деньги тратить не на что.

Специальность радиста Саше получить не пришлось. Обстоятельства сложились так, что он с корабля был переведён на катер.

Вы спрашиваете, — писал он домой 21 ноября, учусь ли я на радиста? Нет. В связи с международной обстановкой я занят другой специальностью, какой, вам знать не интересно. Летом на катерах мы ходили в море охранять заданный водный рубеж. Жили на острове, а теперь в городе. За отличные действия на службе меня сфотографировали для Доски почёта.

«Неинтересной» для родных стала у Саши профессия минёра. С шести вечера и до семи-восьми утра он находился в море на катере. Служба нелёгкая. Катер бросало как щепку. С головы до ног обдавало холодной солёной водой, но в то же время надо было стараться не пропустить ни одного постороннего предмета. Зато когда катер возвращался в бухту, моряки спали как убитые.

1940 год Саша встретил успехами в боевой и политической подготовке. Командир части неоднократно ставил его в пример другим. Только вот писем домой стало приходиться меньше.

Дорогие мои родные, — писал он 6 марта. — Вы обижаетесь, что я мало пишу. Поверьте, совсем нет времени. Чтобы быть отличником, надо много учиться. По вечерам занимаюсь дополнительным. Комиссар части, мой однофамилец Петров, назначил меня заместителем политгруппы. Материал по политзанятиям для меня новый и поэтому отнимает много времени.

Вы пишете правильно, что в мире сейчас сложная международная обстановка. Но с Советским Союзом шутить нельзя. На все провокации мы будем отвечать двойным ударом и «Ворошиловскими килограммами», которые превращают укрепления врага в груды обломков.

Братишка Вася, старайся как можно лучше закончить десятилетку и поступай, как тебе хочется, в военную школу. Прошло уже больше года моей службы. За это время я многое узнал. Мои взгляды на жизнь изменились. Иногда невольно мысленно пробегаю прожитое время и нахожу, что совершал много непоправимых ошибок, исправить которые теперь уже трудно.

23 февраля 1940 года. Сегодня у нас праздник — 22-я годовщина РККА и ВМФ. Празднуем хорошо. Сейчас ребята танцуют, а я ушёл в каюту командира корабля писать вам письмо. Сегодня получил ещё одну благодарность. Выше пишете, что беспокоитесь за меня. У нас здесь относительно спокойно, если не считать, что пускают клеветнические слухи о переходе нашими войсками турецкой границы. Нас хотят спровоцировать на войну. Это им не удаётся. Но если будет нужно, будем бить их на собственной земле, громить их полки. Нам не просто так объявляют благодарности. Мы кое-чему научились. Прошу вас: будьте спокойны за меня. Вася, мне стало обидно за тебя. Ты получил плохую оценку по военному делу. Прошу тебя, поднажми. Осенью пойдёшь в армию и тебе это пригодится. Думал в феврале-марте приехать в отпуск. Теперь это не получится. Меня направляют учиться на командира отделения.

Но прежде чем поехать учиться на младшего командира, Саша побывал в длительном плаваньи. Корабль заходил в порты Новороссийска, Туапсе, Ялты и вновь вернулся в Севастополь. Он сходил в увольнение, посмотрел знаменитую картину-панораму «Оборона Севастополя».

— Зрелище впечатляющее, кажется, запомнилось навсегда, — писал он домой.

Когда же Саша вернулся из города на корабль, ему вручили письмо из дома. Родители сообщали, что в армию взяли брата Васю. Служить он попал в гидроавиацию и носил морскую форму.

— Два матроса стало в нашей семье, — делился Саша со своими товарищами по службе.

В декабре 1940 года Сашу направили в учебный отряд. Новый год он встречал на новом месте, на новом корабле.

Как видите, на одном месте я долго не задерживаюсь, — писал он в Переславль. — Учиться буду шесть месяцев. В июне-июле буду иметь звание старшины второй статьи. Носить буду не бескозырку, а мичманку. В подчинение дадут отделение краснофлотцев. После учёбы, сказали, нас отправят на корабли. Куда я попаду, пока не известно. Хочется, конечно, на свой старый корабль, к своим командирам.

Мечта Саши не сбылась. Война изменила все планы.

Несколько строчек из письма от 29 июня 1941 года.

...Мама, будьте спокойны за меня, а также и за Васю. Наш город достаточно защищён. Немецкая авиация делает налёты почти ежедневно; но вреда не причиняет. До города самолёты не допускают.

Ровно через месяц письмо было более содержательным.

Школу закончил хорошо. Нахожусь на боевом корабле. Если долго не будет от меня писем, не беспокойтесь. Фашистов буду бить, пока есть хоть капля крови в жилах. Уж если придётся умирать, так умру, предварительно послав на дно моря несколько фашистов. Напишите, как живёте, что нового в городе, на фабрике, как воюет Вася?

18 сентября 1941 года. ...Очень рад, что все вы живы и здоровы. С фашистами близко не встречался, за исключением самолётов. Задания командования наш корабль выполняет на отлично. Что пишет Вася?

Родители сообщили Саше, что от Васи давно нет писем и они не знают, что с ним. Позже стало известно, что он тяжело ранен и лежит в госпитале.

Последнее письмо Саша написал 18 февраля 1942 года:

Здравствуйте, мои дорогие папа, мама, Нина и Виктор! Очень жалко Васю, но всё, может, обойдётся хорошо: он выздоровеет и снова будет бить фашистов. У меня всё хорошо. Ещё не было случая, чтобы наш корабль не выполнил задания. За отличное выполнение боевых задач командир корабля награждён правительственной наградой. Знайте, личный состав корабля всегда готов выполнить любое задание. За меня не беспокойтесь. Если нужно, я отдам свою жизнь для блага Родины. Может, конечно, быть, что я погибну за правое дело, за то, чтобы наша Родина была свободной, за то, чтобы народы нашей страны могли свободно и самостоятельно жить и работать. Лучше трудитесь и вы. Давайте больше продукции фронту. Это тоже будет залогом победы. Передавайте привет всем работникам лаборатории.

Корабль, на котором служил Саша, был разбит. Многие из команды погибли. Саша сумел выбраться на берег. Через несколько дней его зачислили в морскую пехоту.

В конце февраля семья Петровых получила известие, в котором были слова, глубоко и надолго ранившие сердца. Горю не было границ. «Старшина второй статьи, — писалось в извещении, — комсомолец Александр Петров в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив мужество и героизм, погиб 1 февраля 1943 года и похоронен с отдачей воинских почестей в лощине, что в 400 метрах юго-западнее высоты 276,9 города Новороссийска».

Петровы — настоящая морская семья. Спустя шесть лет после гибели Саши пошёл служить на флот и самый младший из братьев — Виктор. Службу он начал, где и Саша, — в Севастополе, плавал в тех же водах на «морских охотниках».

Сестра братьев-матросов, Нина Васильевна, избрала себе профессию воспитателя детских садов. Она рассказывала детям не только добрые сказки, но и о том, какой ценой и какими жертвами достался мир нашему поколению. В семье Петровых свято берегут память о старшем брате.